

ПЬЕСА А.Н. ОСТРОВСКОГО «ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ»: ОТ ЗАМЫСЛА – К ВОПЛОЩЕНИЮ

Овчинина Ирина Алексеевна, доктор филологических наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, ovchn@yandex.ru

Виноградов Андрей Александрович, кандидат филологических наук, независимый исследователь, Кострома, Россия, avinonv@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается особенность содержания пьесы «Поздняя любовь» в аспекте движения художественной мысли автора. Впервые учитываются и вводятся в научный оборот рукописные источники (черновые наброски и план пьесы), которые позволяют выявить «узловые» моменты произведения, острые проблемные вопросы. Особое внимание обращено на то, как в ходе работы над пьесой всё большее значение придаётся любовной линии, что позволяет раскрыть смысл названия пьесы. Отмечено, что впервые Островский показывает высоко нравственную героиню, совершившую преступление ради любимого человека. В связи с этим приводятся некоторые суждения критиков, давших пьесе отрицательную оценку. Говоря о художественных достоинствах пьесы, авторы статьи замечают, что действие сконцентрировано во времени и пространстве. Дом Шабловых, где появляются адвокаты, купец, барыня, писарь, отражает в определённой степени социальный мир пореформенной России, те тенденции, которые для него характерны. Изучение первоначального плана показало, что Островский сначала продумал «сценарий» пьесы, состав действующих лиц, определил их характеры, роль в развитии действия. Драматургическое действие и благополучный финал приводят зрителя к выводу о том, что человека от нравственной гибели может спасти любовь, его способность к покаянию и осознание своей ответственности за близких людей и перед миром.

Ключевые слова: А.Н. Островский, драма, план, сцены, персонаж, автограф, критика

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00070А

Для цитирования: Овчинина И.А., Виноградов А.А. «Поздняя любовь» А.Н. Островского: от замысла – к воплощению // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 107–112. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-107-112>

Research Article

ALEXANDER OSTROVSKY'S PLAY "LATE LOVE": FROM ITS CONCEPTION TO THE IMPLEMENTATION

Irina A. Ovchinina, Doctor of Philological Sciences, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, ovchn@yandex.ru

Andrei A. Vinogradov, Candidate of Philological Sciences, Kostroma, Russia, avinonv@rambler.ru

Abstract. The article examines the contents' peculiarity of the play "Late Love" in accord with its author's artistic intentions. For the first time hand-written materials (rough copies and the play's draft) have been taken into account and brought into academic use; the chirographs make it possible to bring to light the main points of the play and its vital problems. Special attention is paid to still greater importance the author was lending to the love story while working at the play; it helps to reveal the meaning of the play's title. It is noted that for the first time Alexander Ostrovsky had shown a highly moral heroine who committed crime for the sake of the man she loved. In this connection, a few opinions of some critics are cited who gave negative estimation to the play. Analysing the play's artistic merits the authors of the article take notice of the fact that the action is concentrated in time and space. The Shablovs' house where lawyers, a tradesman, a landlady, and a clerk make their appearance, reflects to a certain extent the social strata of the post-reformed Russia and the tendencies typical of that world. The study of the initial draft made it clear that Alexander Ostrovsky thought over at first the play's "scenario", the number of personages, determined their characters and their role in the action's development. The dramatic action and the happy end draw the spectators to the conclusion that a human's salvation from its moral ruin is love, personal ability to repent and to realise its responsibility for the people close to it and for the world as a whole.

Keywords: Alexander Ostrovsky, drama, draft, scenes, personage, autograph, criticism

Acknowledgements. The investigation is fulfilled with the financial support of the RFFI within scientific project № 19-012-00070А

For citation: Ovchinina I.A., Vinogradov A.A. Alexander Ostrovsky's play "Late Love": from its conception to the implementation. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 107–112 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-107-112>

26 апреля 1873 г. в письме к актёру Александринского театра Ф.А. Бурдину Островский сообщает о замысле «оригинальной» пьесы, а 13 августа подтверждает это известие: «Пьеса тебе готова, т. е. обдумана совершенно и начата. Напишу я её скоро» [Островский 11: 432]. Однако быстро закончить начатое не получилось, хотя, как явствует из дружеской переписки, Островский надеялся порадовать близких новым произведением. Так, 4 сентября драматург просит актёра Малого театра М.П. Садовского сказать Н.И. Музилю о намерении в ближайшее время отправить готовую пьесу в Петербург; 20 сентября в письме к костромскому этнографу П.И. Андроникову уточняет, что торопится «оканчивать пьесу», а Бурдина просит не беспокоиться: «...пьеса будет готова скоро. Для скорости переписки я тебе буду присылать её по актам. Я слишком долго пробыл над сценариумом, мне хотелось обладать сюжетом поэффектнее; пьеса выйдет короткая и сильная» [Островский 11: 436]. В письме к Ф.А. Бурдину от 29 октября 1873 г. Островский признаётся: «Нельзя сказать, чтоб я писал эту комедию наскоро, я целый месяц думал о сценариуме и сценических эффектах и очень тщательно отделывал сцены Николая и Людмилы, и мне кажется, они написаны не совсем глупо» [Островский 11: 441].

Пьеса действительно получилась «короткая и сильная», с эффектными сценами. Островский, опытный драматург, понимал, как важен сюжет, который был бы интересен зрителю, как необходимы яркие персонажи, побуждающие актёров задумываться о мотивах поступков героев. Драматург так писал о произведении: «...пьеса очень простая и доступная для исполнения. Содержание её следующее: пожилая девушка, дочь старого чиновника, честного и гордого своей честностью, полюбила страстно молодого человека не безукоризненного поведения. Борьба в её душе происходит между любовью к старому отцу, для которого она составляет единственное утешение, и страстью к молодому человеку» [Островский 10: 210].

Драматург не впервые показывает окраину Москвы, где живут купцы, небогатые чиновники, мастера-ремесленники, приказчики, люди бедные, с трудом зарабатывающие на хлеб. И для каждой пьесы он находит свою интонацию, свои краски, придающие отображаемой стороне жизни и изображаемому характерам неповторимость. «Поздняя любовь» – это, можно сказать, «тихая» пьеса, при этом содержащая в себе эффектные сцены, неожиданные повороты в развитии действия.

Всё действие происходит в течение непродолжительного времени в небольшом деревянном доме Фелицаты Антоновны Шабловой, где появляются «адво-

кат из отставных чиновников» Маргаритов, его дочь, «немолодая девушка» Людмила, младший сын Шабловой Дормедонт, выполняющий обязанности писаря у Мармеладова, купец Дороднов, привыкшая к безбедной жизни, не отказывающая себе в удовольствиях барыня Лебёдкина, сын Шабловой Николай, окончивший университетский курс, бывший адвокат, ведущий разгульный образ жизни. Таким образом, в «Поздней любви» не только показаны отношения между обитателями дома, но и представлен современный Островскому социум. В пьесе органичным образом соединились две темы: любовная и юридическая.

Рассказывая о своём сыне, Шаблова сетует: «Учился он у меня хорошо, в университете курс кончил; и, как на грех, тут заведись эти новые суды! Записался он адвокатом, – пошли дела, и пошли, и пошли, огребай деньги лопатой» [Островский 4: 9]. В 1864 г. Александром II были утверждены новые Судебные уставы. На территории Российской империи новые суды открывались постепенно, на протяжении длительного времени. Реформирование судостроительства и судопроизводства было сопряжено с изменением кадрового состава, выразившегося, в частности, в назначении в суды людей, имеющих юридическое образование, опыт, безукоризненную репутацию. Существенные перемены произошли в судостроительстве, состоящем из двух ветвей судов – мировых и общих судебных установлений: «Судебная реформа упорядочила и основательно переработала всё российское судопроизводство. Феодальная тяжеловесность и запутанность уступали место строгой системе и ясности» [Лонская: 71]. Два адвоката представляют в «Поздней любви» эту систему. Маргаритов делает всё, чтобы завоевать доверие у клиентов, тогда как Николай Шаблов пренебрегает самим понятием «репутация». В пореформенной России всё больший вес в общественном сознании приобретает честное ведение дела, уважительное отношение к закону, надёжность. У Островского 1870–80-х годов эти тенденции отразились в целом ряде пьес, где показаны люди, наделённые чувством собственного достоинства, провозглашающие нравственные ценности. Таков Платон Зыбкин, герой комедии «Правда – хорошо, а счастье лучше», считающий, что человек должен быть полезен обществу: «...только два сорта и есть, податься некуда: либо патриот своего отечества, либо мерзавец своей жизни» [Островский 4: 279]. В «мерзавца своей жизни» постепенно превращается Николай.

Не впервые у драматурга звучит юридическая тема, не впервые показаны люди, совершающие подлоги, подделывающие подписи, совершающие преступле-

ния, как нравственные, так и юридические. Но впервые Островский показывает высоконравственную девушку, совершившую тяжёлый проступок.

Сохранившиеся автографы дают возможность проследить, как шла работа драматурга над пьесой, какие изменения он вносил в текст, что для него было особенно важным. В отделе рукописей ИРЛИ хранится рукопись из фонда Островского, представляющая собой черновые наброски пьесы «Поздняя любовь». Автограф включает в себя план пьесы, черновую редакцию 1-го и 2-го явлений первого действия, несколько отрывочных реплик персонажей. Записи сделаны в разное время, самой ранней из них является план пьесы. Дата на автографе не поставлена, но, вероятно, драматург обдумывал план произведения в период между 26 апреля и 13 августа 1973 г.

Чтобы понять, в каком направлении шла работа над пьесой, обратим внимание на эти планы, раскрывающие первоначальный замысел драматурга, и приведём их полностью, сохраняя орфографию и пунктуацию автора. В верхней части листа автографа рукой драматурга написано и подчёркнуто слово: «Обязательство». Под чертой запись: «Действие 1-ое. Хозяйка 2 и писарь. Погадайте! 3 вход<ит> хозяин. 4 Купец 5 Хозяйка и писарь. 6. и Дочь. 7 Хоз<яйка> и пис<арь>. 8 те же и дочь. – Вот я выработала возьмите <?>. – Ангел ты мой небесный. – Надо знать время, чтобы в самый раз. Действие 2-ое»¹.

Зачеркнув этот незаконченный план, Островский на обратной стороне листа написал новый план, в котором обозначено уже четыре действия, а первое действие расширено за счёт заключительного (девятого) явления:

«Д<ействие> 1-ое. 1-ое явл<ение> <Хозяйка> (О сыне – гадает) 2-е) М<олодой> ч<еловек> Писарь (гадает сначала о любви – потом о деньгах – его прерыв<ает> Стряпчий. 3) Разг<овор> стряпчего с Хоз<яйкой> о дочери, потом о люд<ях> захолустья, – 4) Купец. – Ты? Как тебя? – Пописухин. – (Извините В<аше> бл<агоро>дие. (Ерошит голову) – Шершавый, не нашей державы. А ты живи без претензий, сытей будешь. – Говорит стряпчему, чтоб он приглядывал за писарем. – 5) Хоз<яйка> и писарь – Я влюблен. – разг<овор> о сыне. 6) Дочь. – Короткие но сильные <?> ответы. — <нрзб.> сына. (Жаль молодого человека) Идет за деньгами. 7) Хоз<яйка> и пис<арь> (теперь в самый раз). – 8 те же и дочь. 9) Дочь и писарь. Не выгорело!

Д<ействие> 2-ое. Явл<ение> 1) М<олодой> ч<еловек> сидит у стола (спит). Мать причитает. Проходит подьячий: пьянствуй, ты реже будешь дома. – Это лучше для моей дочери. 2) Дочь. – можно войти? – Войдите полюбуйтесь. – (Упреки матери) – 3 М<олодой> ч<еловек> и дочь. – <нрзб.> барышня, куда лезете? – Ничто моя жизнь, кому она нужна? 4 Приезд барыни. – Сначала гадают, потом о подьячем. – Право бы, кажет-

ся, украла для тебя. – о сыне горюет и льстит барыне о том, что дочь подьяч<его> равнодушна к сыну. – Позови-ко ко мне его. 5) Бар<ыня> и сын. Сын уходит. 6). – Бар<ыня> с мо<лодым> ч<еловеком> уходит. – М<олодой> ч<еловек> и с<ын> дочь.

Д<ействие> 3. Явл<ение> 1-е. Хоз<яйка> и Подьяч<ий>. – 2) Хоз<яйка> и Писарек (складывает бумаги <нрзб.>). 3) Писарек и дочь. 4) М<олодой> ч<еловек> (хорошо одетый) и дочь. Мать – разговор о деньгах. <нрзб.>. 5) Вдруг вход<ит> барыня. 5) Мол<одой> ч<еловек> и барыня. – Я зайду, вы мне скажете, принимаете ли вы мое предложение. – 6) Мол<одой> чел<овек> и дочь. 7) Мол<одой> чел<овек> и писар<ек>. 8) Дочь, мол<одой> ч<еловек> (вот то, что вам нужно) и писар<ек>. Дочь уходит, писар<ек> тоже. 9) М<олодой> ч<еловек> один (монолог).

Д<ействие> 4-е. Явл<ение> 1-е. Мол<одой> чел<овек> и барыня. 2-е) Вход<ит> писарек. Бар<ыня> велит ему позвать Стряпчего. 3) Молод<ой> чел<овек> и дочь. (Хорошо с чего это вам в голову пришло?) 4. Молод<ой> чел<овек> и Стряп<чий>. 5. Стряпчий и дочь. 6. и молод<ой> чел<овек>. 7. и барыня»².

В обоих вариантах персонажи названы по роду деятельности (хозяйка, купец, стряпчий, писарь) или степени родства (сын, дочь). Судя по этим характеристикам, Островский уже на начальном этапе работы определился с образами основных действующих лиц. В дальнейшем он лишь заменил нарицательные имена именами собственными: Стряпчий – Маргаритов, Купец – Дороднов, Писарь – Дормедонт, Дочь – Людмила, Сын – Николай, Барыня – Лебёдкина, Хозяйка – Шаблова.

По новому плану пьеса должна была открываться монологом хозяйки, её сетованиями на сына. Но уже осенью 1873 г., судя по черновому автографу пьесы, драматург принимает решение о новом начале и пишет монолог дочери Маргаритова – Татьяны (затем Людмилы): «Я думала, что я уж больше не полюблю, как вдруг однажды... И вот я теперь ношусь я с этой любовью, лелею ее в груди, она растет, растет; а он может быть и не знает. <...> Неужели я для него ничего не значу? <...> Видимся часто, я не скрываю своего расположения; а он почти не обращает на меня внимания. Нет, что я жду его! Ему дороже меня трактирные удовольствия, он не жертвует ими, чтоб посидеть со мной вечером, тогда как я бы... Ах, опять одной сидеть за работой весь этот бесконечный вечер... <...> В этой тоске безысходной либо уж вовсе окрепнешь в добродетели, либо бросишься на шею первому встречному...»³

Этот фрагмент Островский переписывает, тщательно подбирая слова, передающие серьёзность чувства к Николаю Шаблову: «Я было успокоилась душой, думала: пора моя прошла, уж я больше не полюблю ни-

кого, и так тихо потекли скучные дни... а вдруг этот случай, этот разговор! Горько жить на свете, а вот еще новое горе: ношусь я с этой любовью, лелею ее, и она растет, растет без границ; а он может быть и не знает. Что за жизнь в самом деле! Как подумаешь, как бедны даже желания-то мои! Посидеть подле него вечером, поговорить с ним... так о чем-нибудь, о пустяках, только бы поговорить с ним, с человеком, которого любишь, а не глупеть за этой каторжной женской работой. <...> А мужчинам что! Для них теплые, ярко освещенные трактиры, клубы... Неужли же я для него ничего не значу? Неужли в нем нет, уж не говорю о любви, а жалости ко мне?... ну, хоть просто интересу, любопытства? Видимся часто, я не скрываю своего расположения... <...> В этой тоске безысходной либо уж вовсе окрепнешь в добродетели, либо...»⁴

После многочисленных исправлений драматург возвращается к первоначальному решению: в окончательной редакции пьеса начинается с размышления хозяйки небольшого деревянного дома Шабловой о погоде, о своём сыне, о гулящем коте Ваське.

В основных чертах Островский следовал именно этому плану, наполняя его яркими, убедительными характерами, динамично развивающимся действием, продумывая в деталях взаимоотношения героев, мотивы их поступков, теми штрихами, которые передают особенности общей жизненной картины. Все отступления от плана, что неизбежно в процессе написания произведения, дают возможность выявить художественную, нравственную, содержательную доминанту. Так, драматург отказался в первом действии от обозначенного в плане 3-го явления («Разговора» стряпчего с Хозяйкой» дочери, потом о людях» захолустья»), как отказался он и от отождествления Хозяина и Стряпчего. Более того, в тексте окончательной редакции Маргаритов вообще не разговаривает с Шабловой, а она за глаза называет его «Эфиопом». Сам же рассказ Стряпчего о людях захолустья вошёл в 1-е явление второго действия, где Маргаритов мрачными тонами характеризует жизнь в захолустье: «...я здесь никому не верю. Здесь, Людмилочка, страна голодная, народ живёт изо дня в день, что урвёт, тем и сыт. Утопающий, говорят, хватается за соломинку; ну, а голодающий за то, что плохо лежит. Здесь всё украдут и всё продадут, а ловкие люди этим пользуются. Нужно подкупить человека на подлог, на преступление, нужно купить девичью честь – иди сюда, купишь и недорого купишь. Когда ты увидишь, что сюда зайдёт или заедет человек богатый, хорошо одетый, так знай, что он не за добрым делом зашёл, – он ищет продажной чести или совести» [Островский 4: 23].

В тексте 7-го явления окончательной редакции Дормедонт разговаривает не с Шабловой (как должно быть по плану), а с Людмилой. Вообще первоначально Хозяйке отводилась более значимая роль. На стра-

ницах черновых набросков встречаются реплики, позволяющие судить о том, что с характером Хозяйки драматург определился с самого начала (все фрагменты вошли в состав 1-го явления первого действия текста): «Сосуд скудельный. Точно вареная и сделанная. Взглянешь, да только и скажешь: ах, боже мой! Брякнет шпорой или саблей, взглянет мимоходом, через плечо, в зеркало, тряхнёт головой да прямо к ней в гостиную. Ну, а ведь она женщина, создание слабое... – Ну и мелешь ей, так она тут и смеется и плачет. – У ней и муж-то такой же путаник был»⁵.

Во втором действии практически сохраняется канва при некоторых композиционных изменениях. Но прежде всего драматург смягчает высказывания Николая в разговоре с Людмилой.

Более заметное отступление от первоначального плана проявляется в первых явлениях третьего действия. Так, в соответствии с замыслом, в начале действия Хозяйка должна переговорить сначала со Стряпчим (1-е явл.), потом с Писарем (2-е явл.); затем должно состояться объяснение Дочери с Писарем (3-е явл.) и с Сыном (4-е явл.). В результате вместо этих четырёх явлений Островский пишет два коротких: в первом Людмила и Шаблова поджидают Николая с прогулки, а во втором Шаблова встречает Лебёдкину. Предполагаемый монолог Сына, завершающий действие (девятое плановое явление), в тексте отсутствует, но можно представить, о чём рассуждал бы этот герой после заключительной фразы: «Вы свой долг исполнили, теперь уж и я знаю, что мне нужно сделать» [Островский 4: 46].

На полях черновых набросков встречается такая запись: «В 3 акте Маргаритов входит на одну минуту, чтоб оставить вексель и взять кой что»⁶. В тексте Маргаритов передаёт вексель Людмиле через Дормедонта, и на протяжении всего третьего явления документ находится у неё в кармане. По первоначальному плану Дочь вынуждена воровать вексель из портфеля отца, что, конечно, усиливало бы тяжесть содеянного. В процессе работы Островский сглаживает углы, и воровство Людмилы происходит под воздействием страстного желания помочь Николаю, спасти его от долговой тюрьмы.

Крайне негативную реакцию у критиков вызвал этот поступок Людмилы. Критик П. видит здесь нарушение логики, несоответствие поступка характеру героини: «Как бы сильно она ни любила, но решиться на подобный шаг безо всякой борьбы она не могла, особенно если принимать во внимание её отношение к отцу и честность её натуры» [П.: 2]. Ещё более резко высказался рецензент газеты «Гражданин»: «...что такое за существо та героиня “Поздней любви”, которую промотавшийся адвокат... называет благородною душою, несмотря на то, что она воровка с цинизмом?» [К...: 1310]. В.Г. Авсеенко отказывается давать

какую-либо оценку «этому проникнутому фальшивой моралью изображению какой-то подпольной нечистоты»: «Мы видим в этой пьесе только безмерное количество грязи, которую автор изо всех сил хлопочет выдать за что-то ценное и даже скромно-высокое» [А. О. <Авсеенко>: 2].

По плану четвёртого действия Сын должен переговорить с Барыней (1-е явл.), затем Барыня просит Писаря позвать Стряпчего (2-е явл.), а Молодой человек объясняется с Дочерью (3-е явл.). При написании текста из этих трёх явлений Островский оставит лишь сцену объяснения между Николаем и Лебёдкиной, но обрामит её эпизодами встречи (1-е явл.) и проводов (3-е явл.) богатой вдовы. Разговору между Лебёдкиной и Николаем драматург придавал особое значение, о чем говорят его заметки относительно этой сцены: «Сначала говорит ей, какое гнусное дело она ему поручила, как ему обидно было, что она осмелилась предложить ему такое дело. (И в разговоре, отворотясь в сторону, отдаёт ей вексель.) Она встает, переводит дух и переменяет тон»⁷. В черновом автографе пьеса заканчивалась репликой Людмилы: «Папа, тебе нужно отдохнуть; мы тебя успокоим»⁸.

Таким образом, план, составленный весной – летом 1873 года, стал основой для пьесы: сохранилась структура пьесы, число персонажей, их характеры, сюжетные лейтмотивы: отношения между Хозяйкой и Сыном, то есть между Шабловой и Николаем, между Стряпчим и Дочерью, то есть между Маргаритовым и Людмилой, между Сыном и Барыней, то есть между Николаем и Лебёдкиной. Изменения коснулись взаимоотношений между Стряпчим и Хозяйкой, а также роли Дормедонта, обозначенного в процессе работы над пьесой как младший сын Шабловой. По плану Хозяйке отводилась более значимая роль, но в процессе работы над текстом она постепенно уменьшалась, а вот роль Людмилы, напротив, стала центральной. Драматург тщательно продумал действие, характеры, основные мизансцены, но перейти от замысла к его реализации Островскому мешали внешние обстоятельства, о чём он сообщает в письме к Бурдину от 30 сентября 1873 года: «...пьеса готова, сегодня начал переписывать. Мне очень совестно, что я запоздал... Я хотел кончить пьесу в августе, но целый месяц мне не пришлось взяться за перо; вначале были гости, потом я уехал в Кострому, а после захворал. Пьесу жди на этой неделе, но до присылки её поддержки в секрете заглавие, которое таково: “Поздняя любовь”, сцены из жизни захолустья, в 4-х действиях» [Островский 11: 437–438].

Название является не случайным. «Я не умею жить для себя; в том только и счастье, когда живёшь для других», – говорит Людмила отцу. С удивительной откровенностью и с достоинством она признаётся Николаю: «Я прожила свою молодость без люб-

ви, с одной только потребностью любить; я веду себя скромно, никому не навязываюсь; я, может быть, с болью сердца отказалась даже от мечты быть любимой. А ведь я женщина, любовь для меня всё, любовь моё право. Разве легко побороть себя, побороть свою природу? Но представьте себе, что я поборюла себя и была покойна и счастлива по-своему. Разве честно опять будить мои чувства? Ваш только один намёк на любовь опять поднял в душе моей и мечты, и надежды, разбудил и жажду любви, и готовность самопожертвования... Ведь это поздняя, быть может, последняя любовь; вы знаете, на что она способна... а вы шутите над ней. <...> Моя мечта – видеть вас покойным, счастливым, и для этого я готова на всякие жертвы, решительно на всякие» [Островский 4: 28].

Поздняя любовь – это и первая любовь, и последняя любовь, такое сильное чувство, с которым нельзя шутить. Николай не просто услышал признание девушки, но и получил урок нравственности. Женщины в русской литературе 1870-х годов свойственны черты и пушкинской Татьяны, и «тургеневских девушек», и героинь романов Достоевского... Эти качества в той или иной степени отразились в героине пьесы Островского: прямота, искренность, честность, нравственная чистота, духовность, любовь к ближнему, способность пойти «на всякие жертвы».

В кульминационной сцене третьего действия отображена острая борьба, происходящая в душе героини, когда Николай предлагает ей украсть у отца важный документ, то есть совершить преступление: «Ужасно! Что вы говорите!»; «Не делайте, не делайте преступления! О, боже мой! О, боже мой! Но если оно необходимо, заставьте меня, прикажите мне... Я сделаю... Какое преступление?»; «Гнусно, гадко!»; «Я истрадалась, измучилась, слушая вас»; «Не отталкивайте меня! Я решила сделать всё для вас. Что бы вы ни задумали, я ваша сообщница». Она решается на воровство, убедившись в том, что Николай чётко осознаёт, как низко он пал, и намерен изменить образ жизни:

«Николай. Заёмное письмо той женщины, которую вы сегодня видели, передано вашему отцу. Ей платить не хочется всех денег, и она предлагала мне половину, если я его украду.

Людмила. Ах, какие страдания! (Утирает слёзы.) Что ж, этих денег достаточно, чтоб спасти вас?

Николай. Даже слишком.

Людмила. И, когда вы заплатите долг, вы бросите праздную жизнь и будете трудиться?

Николай. Разумеется. Я не только брошу, я прокляну прежнюю жизнь; такой урок научит хоть кого. Испытать в другой раз, что я испытываю теперь, сохраню меня Бог. <...> И если б мне удалось как-нибудь избавиться от этой напасти, клянусь вам всем святым на свете, я сделаюсь хорошим человеком. <...> Чтоб спасти себя, я не стану искать никаких безнрав-

ственных средств. Я краснею за себя: как я мог колебаться, как я мог слушать без негодования это гнусное предложение!

Людмила. Милый, благородный человек! Но как же спасти вас? Я люблю вас. Для меня нет жизни без любви к вам.

Николай. Не тревожьте себя, успокойтесь! Я сделал глупость, я и должен поплатиться. Да вот что... возвратите-ка мне револьвер.

Людмила. Нет, нет, это тоже преступление, ещё хуже.

Николай. Не бойтесь! Что вы! Я не решусь... разве уж очень невыносимо станет.

Людмила (делает несколько шагов к двери, оставив за собой дверь, потом вынимает бумагу, принесённую Дормедонтом, и подаёт Николаю). Вот, возьмите!» [Островский 4: 45–46].

Симпатии Островского всегда были на стороне тружеников. На новом этапе драматургической деятельности Островский возвращается к теме, которая звучала ещё в «Пучине». Как отмечает А.И. Журавлёва, «грехопадение» Кисельникова началось тогда, «когда, получив наследство, бывший студент отказывается от труда, чтобы “просто пожить”» [Журавлёва: 126]. Все беды Николая происходят не от социального положения, не от преступления другого человека, а от собственного нежелания неустанно трудиться. И по мнению матери, причина бедственного положения сына в том, что он проводил время в кабаках и клубах, а в результате остался без денег, без связей. Даже Дормедонт ему пеняет: «Люди работы ищут, а ты сам от дела бегаешь» [Островский 4: 12].

В результате Людмила готова пожертвовать своей репутацией, согласившись украсть у отца документ. Драматург предельно заостряет проблему. Как быть, если для спасения от позора любимого человека, молодого, здорового, нужно пожертвовать честным именем отца, его будущим, его благополучием? В то же время драматург в диалоге Людмилы с Николаем готовит зрителя к благополучному разрешению проблемы. Спасение человека возможно на пути покаяния и любви. Людмила задаёт Николаю очень важный для неё вопрос о том, будет ли он трудиться, и получает ответ, свидетельствующий о намерении молодого человека не искать «безнравственных средств». Именно любовь в своё время заставила Маргаритова отбросить мысль о самоубийстве и жить ради дочери. Любовь Людмилы к Николаю спасает молодого человека от бесчестия. Поздняя любовь – это особенно сильное чувство. Любовь может спасти людей от нравственного падения, придать им сил жить, трудиться, созидать.

Примечания

¹ Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 5 (ИРЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 30).

² ИРЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 5 об.

³ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 216. М. 3095. Ед. хр. 6. Л. 3–3 об. (РГБ. Ф. 216. М. 3095. Ед. хр. 6).

⁴ РГБ. Ф. 216. М. 3095. Ед. хр. 6. Л. 1–1 об.

⁵ ИРЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 5 об.

⁶ ИРЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 5 об.

⁷ ИРЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 5.

⁸ РГБ. Ф. 216. М. 3095. Ед. хр. 6. Л. 36 об.

Список литературы

А. О. <Авсеев В. Г.> Очерки текущей литературы // Русский мир. 1874. № 57. 1 марта. С. 2.

Журавлёва А.И. Русская драма и литературный процесс XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1988. 198 с.

К... «Поздняя любовь» (Письмо к редактору) // Гражданин. 1873. № 49. 3 дек. С. 1310–1312.

Лонская С.В. Мировая юстиция в России. Калининград, 2000. 215 с.

Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Искусство, 1973–1980.

П. Театр. Бенефис Бурдина («Поздняя любовь») // Санкт-Петербургские ведомости. 1873. № 330. 30 сент. С. 2.

References

A. O. <Avseenko V.G.> *Ocherki tekushchei literatury* [On the work of A.N. Ostrovskiy]. *Russkii mir* [Russian world. Political and literary newspaper of Sankt-Petersburg in 1871–1880], 1874, № 57, 1 march, p. 2. (In Russ.)

Zhuravleva A.I. *Russkaia drama i literaturnyi protsess XIX veka* [The monograph about the history of russian drama of the XIXth century]. Moscow, MGU Publ., 1988, 198 p. (In Russ.)

K... “*Pozdniaia liubov*” (*Pis'mo k redaktoru*) [On the work of A.N. Ostrovskiy]. *Grazhdanin* [Political and literary newspaper of Sankt-Petersburg in 1872–1914], 1873, № 49, 3 December, pp. 1310–1312. (In Russ.)

Lonskaia S.V. *Mirovaia iustitsiia v Rossii* [The monograph about the history of world justice in Russia]. Kaliningrad, 2000, 215 p. (In Russ.)

Ostrovskii A.N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 12 t.* [Complete collection of works: in 12 vols]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1973–1980. (In Russ.)

P. *Teatr. Benefis Burdina (“Pozdniaia liubov”)* [On the work of A.N. Ostrovskiy]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [Socio-political newspaper of Sankt-Petersburg in 1728–1914], 1873, № 330, 30 September, p. 2. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.07.2021; одобрена после рецензирования 12.09.2021; принята к публикации 15.11.2021.

The article was submitted 15.07.2021; approved after reviewing 12.09.2021; accepted for publication 15.11.2021.